И. ВАРДИН

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

120

Издательство
„КРАСНАЯ НОВЬ"
Москва 1922.

Вардин Ил.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ
И
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

М., Красная новь, 1922

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1. От автора. 7
2. Эпоха царизма. 9
3. От Февраля до Октября 14
4. После Октября. 18
5. Платформа меньшевизма 25
6. Планы партии эсеров 35
7. „Левый блок“ 39
8. Так учит революция. 42

От автора.

Брошюра дает самые краткие, конспективные сведения о политических партиях, автор несколько подробнее остановился на меньшевиках, потому что эта партия поставляет „идеи“ почти всей контр-революции.

На нашем книжном рынке нет ничего о партиях, только поэтому автор решил предложить вниманию товарища-читателя нижеследующие строки.

В брошюре нет ничего о партии коммунистов, ибо кратко о ней нет смысла рассказывать нашему читателю, а подробно рассказать—невозможно... в маленькой брошюре.

Эпоха царизма.

До 1905 года царизм не признавал никаких политических об'единений—ни левых, ни правых. Однако, революционное рабочее движение выдвинуло на историческую арену нелегальные революционные политические партии. В противовес им возникают буржуазные (полу-легальные) и монархические (легальные) партии.

Монархические группировки. В 1904—1905 г.г. создается ряд политических монархических организаций („Русское собрание", „Русская монархическая партия", „Союз русских людей", „Союз русского народа" и т. д.). В сущности, все эти организации представляли собою различные фракции одной реакционной партии, защищавшей интересы крупного дворянства, чиновной аристократии и высшего духовенства. Некоторые фракции этой партии временами опирались на реакционные слои мещанства (купцов, лавочников, ремесленников) и даже на небольшие группки рабочих. Монархические группировки возникли в момент, когда обнаружилась слабость самодержавного правительства в борьбе с революцией. Роль реакционных организаций в подавлении революции была значительна. После поражения революционного движения монархические организации утратили свое значение и стали разлагаться. Вождями монархического движения в России были Пуришкевич, Дубровин, Замысловский, Марков, Шульгин, кн. Полубояринова, Б. Никольский, Меньшиков, Суворин, Глинка-Янчевский и др.

Партия кадетов. „Конституционно-демократическая партия" (кадеты или „партия народной свободы") сорганизовалась в Москве 18/31 октября 1905 г. Партия составилась из двух существовавших ранее группировок: „Союза освобождения" и „Земцев-конституционалистов". Партия не была по своему социальному составу однородна. Своим правым флангом она соединилась с „прогрессивной" частью

дворянства, имевшего в партии своих представителей в лице Родичева, Петрункевича, кн. Трубецкого и др., левым флангом партия соприкасалась с демократическими слоями городского населения (чиновники, торговые служащие), представленными в партии в лице Мандельштама, Колюбякина и др. В центре партии поместились представители „прогрессивной" буржуазии в лице Милюкова, Набокова, Гессена, Винавера, взявших на себя руководство партией.

В октябре 1905 года, в момент наивысшего успеха революции, партия кадетов кокетничала с ней. Когда революция была побеждена, кадеты открыли против нее бешеную травлю. Партия заявила, что она стоит на строго „законной", „конституционной" почве, чем противопоставила себя революционерам. Как в первой, так и во второй Госуд. Думе кадеты играли руководящую роль, но ничего, кроме либеральной фразы, самодержавию они противопоставить не могли, почему царь спокойно разогнал как первую, так и вторую Думу. В третьей и четвертой Госуд. Думах большинство принадлежало октябристам и националистам. Кадеты играли роль „ответственной оппозиции". В борьбе против революционных партий они целиком поддерживали правительство. В области внешней политики кадеты вели себя столь же агрессивно, как и правительство царя. Во время войны кадеты заключили „священный союз" с царизмом и звали на войну „до победного конца".

„Октябристы" „Союз 17 октября" (день издания царского манифеста о свободах) возник в ноябре 1905 года. Он об'единил крупных и средних аграриев, крупную промышленную и торговую буржуазию и высшую бюрократию. Поддерживая некоторые политические реформы, союз решительно восставал против социальных требований масс и целиком поддерживал правительство в его усмирительной работе. Изменение избирательного закона дало октябристам большинство в третьей Госуд. Думе, где они поддерживали правительство „русского Бисмарка", палача революции Столыпина. В четвертой Думе октябристы раскололись на три группы. „Левые" сблизились с кадетами. Правые перешли в лагерь националистов — незначительной группы „умеренных" монархистов. Центр принял новое название „земцев-октябристов", чем подчеркивалась его тесная связь с помещиками. Во главе „союза" стояли Гучков, Родзянко, Шипов, Хомяков, гр. Гейден и др.

Партия эс-эров. Партия социалистов-революционеров составилась в конце 1901 г. за границей из нескольких, действовавших в России и за границей, групп. Основание партии было провозглашено на совещании представителей групп (В. Чернов, Е. Азеф (известный провокатор), Гершуни, Мих. Гоц). Совещание приняло временную „практическую программу-минимум". Первый с'езд партии состоялся в конце 1905 г. В массовой революционной борьбе 1905—1906 г.г. партия эс-эров принимала слабое участие. В рабочем классе руководящую роль играли большевики и меньшевики, крестьянство, с которым больше всего имелось связей у эс-эров, слабо поддавалось на революционную агитацию. В тех же случаях, где крестьянство выступало активно (Прибалт. край, Грузия), руководство принадлежало социал-демократам. Главные силы эс-эров уходили на индивидуальный террор, который с точки зрения эффекта был очень соблазнительным, но с точки зрения практического успеха революционного дела давал мало.

Первую Госуд. Думу эс-эры бойкотировали и поэтому в ней собственной фракции не имели. Они пытались руководить выступлениями создавшейся в Думе фракции трудовиков. Во второй Думе эс-эровская фракция колебалась между социал-демократами и кадетами и почти никакой роли не играла. В третьей Думе эс-эровской фракции не было, в четвертой Думе эс-эр Керенский входил в трудовую фракцию. В годы реакции эс-эры почти совершенно сошли с политической арены. В период под'ема 1912—1914 г.г. эс-эры несколько оживились, но на массы влияние их было ничтожно. Во время войны эс-эры разделились на социал-патриотов и интернационалистов. Последние, во главе с Черновым, принимали участие в Кинтальской конференции.

Партия меньшевиков возникла в августе 1903 г. на втором с'езде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, как фракция последней. На этом с'езде сплоченное до того революционное „искровское" большинство с'езда по организационным вопросам разделилось на „большинство", во главе с Лениным, и „меньшинство", во главе с Мартовым—Аксельродом. До весны 1905 года большевики и меньшевики работали в одной организации. В мае меньшевики ушли с третьего с'езда партии, где большинство оказалось на стороне большевиков, и собрались на свою фракционную конференцию. Осенью 1905 года, под влия-

нием революционных событий, было достигнуто соглашение и составлен об'единенный Центр. Комитет. В апреле 1906 г. на Стокгольмском с'езде, где большинство принадлежало меньшевикам, об'единение было подтверждено и с'езд получил название „об'единительного".

Считая революцию 1905 г. „буржуазной", партия меньшевиков полагала, что руководящую роль в ней должна играть буржуазия, которую рабочий класс должен поддерживать, входя с ней в соглашения. Меньшевики решительно высказались против гегемонии пролетариата в революции, предостерегали его от вооруженного восстания и т. д. Осенью 1905 года значительная часть меньшевиков была увлечена революционной стихией, но как только восстание потерпело неудачу, меньшевики стали поучать революционеров, что, мол, не надо было браться за оружие, а следовало создавать профсоюзы.

Во всех Госуд. Думах социал-демократические фракции имели меньшевистское большинство. В своей парламентской деятельности меньшевики проводили тактику соглашения с партией кадетов, которая яко бы представляла собою революционное крыло буржуазии.

На пятом Лондонском с'езде партии большинство принадлежало большевикам, но большинство это не было устойчивым. Деятельность фракции второй Госуд. Думы, руководимой Церетелли, подверглась на с'езде резкой критике. Резолюция одобрения была снята с обсуждения самими меньшевиками. Резолюция осуждения была провалена нефракционной частью с'езда.

Победа реакции вызывает резкое поправение меньшевиков. В период 1908—1914 г.г. меньшевики выступают в качестве *ликвидаторов* старой партии. Они выдвигают лозунг „открытой рабочей партии", они добиваются легальности во что бы то ни стало. Они отказываются от старой программы, выбрасывают вон основные лозунги революции. В годы реакции меньшевики выступают, как представители ренегатства, отреченства, приспособленчества. Но к середине 1914 года меньшевизм терпит решительное поражение: именно на легальной арене - в профсоюзах, клубах, страховых кассах, в рабочей печати — господствующее положение занимает партия большевиков, все время защищавшая подпольную партию от меньшевиков-ликвидаторов и одновременно умело использовавшая в целях революцио-

низирования масс все открывавшиеся легальные возможности.

Во время мировой войны большинство меньшевиков стало на точку зрения „защиты отечества“. Меньшинство— меньшевики-интернационалисты, в лице Мартова и Аксельрода, принимали участие в циммервальдской конференции.

Анархисты. Весной 1905 года в ряде городов, в особенности на северо-западе и в Польше, возникли группы анархистов. Преобладали сторонники Кропоткина („Хлеб и Воля“), в некоторых местах существовали „безначальцы“, „безмотивники“ и т. д. В 1906 г. анархическое движение расширилось и захватило новые районы.

Кое-где появилась легальная анархистская пресса. Деятельность анархистских групп выражалась в печатной и устной агитации, в политическом и экономическом терроре, в экспроприациях, местами в саботаже. В апреле 1907 г. происходила конференция уральских групп анархистов-коммунистов, в июне — конференция польско-литовских анархистов. В том же 1907 г. русские анархисты участвовали в международном конгрессе анархистов. Необходимо отметить, что деятельность анархистов протекала вне всякой связи с массовым движением. С победой реакции анархисты почти совершенно сошли на нет.

От Февраля до Октября.

Февральская революция легализовала все революционные и оппозиционные партии. Наоборот, реакционные партии в первый период революции стихийным натиском были загнаны в подполье: монархическая пресса была закрыта, организации разбиты, некоторые видные руководители арестованы. Но вскоре они перестроили свои ряды, изменили внешне программы, переменили название и снова появились на общественной арене. К перелицовке прибегли и некоторые мелкие буржуазные группировки. Вместе с тем появились в значительном количестве и новые карликовые партии... Отметим наиболее важные политические течения.

Правые группировки. 1) **„Святая Русь"**—бывший „Союз русского народа", погромно-черносотенная организация. 2) **„Союз земельных собственников"**—был образован в апреле 1917 г. для защиты крупной земельной собственности от конфискации. В „союз" входили и зажиточные крестьяне. Во главе союза стояли видные политические деятели дворянства П. Н. Львов, Гурко, кн. Кропоткин, А. Кривошеин и др. 3) **„Прогрессивные националисты"**—руководитель - известный реакционный деятель Шульгин. Главная цель – борьба с сепаратизмом окраин, в особенности Украины. 4) **„Национально-демократическая республиканская партия"**—организовалась вскоре после революции, вернее, переменила старую октябристскую вывеску. Яркий пример внешнего приспособления консервативной партии к революции.

Либеральные партии. 1) **Партия кадетов.** Приспособляясь к революции, в конце марта кадеты об'явили себя республиканцами, хотя в начале марта их лидеры судорожно хватались за обломки царского престола. Во Временном Правительстве все время играли руководящую роль. Партия кадетов была главной силой буржуазно-помещичьей контрреволюции. Она стояла за продолжение войны „до побед-

ного конца", за подавление силой революционного движения рабочих и солдат, за генеральскую диктатуру. Кадеты поддерживали мятеж генерала Корнилова. 2) **„Союз эволюционного социализма"**—фактически левое крыло кадетской партии. Пытался служить связующим звеном между либеральными и социалистическими партиями. 3) **„Радикально-демократическая партия"** - бывшая партия прогрессистов. Была тесно связана с предпринимателями московского промышленного района. 4) **„Республиканско-демократическая партия"**. Образовалась после революции из умеренно-либеральных элементов, тесно связанных с петроградскими промышленниками. Вскоре обе последние партии об'единились с кадетами.

Мелкобуржуазные партии. 1) **Партия эсеров**—численно являлась самой крупной партией в стране. Вместе с меньшевиками руководила Советами, могла иметь решающее влияние на политику правительства. Сначала отдала власть буржуазии почти целиком, затем вошла с ней (вместе с меньшевиками) в коалицию. Союз с буржуазией требовал борьбы налево против „анархии", против большевизма, против недовольных рабочих, солдат и крестьян. Блок эсеров и меньшевиков с мая месяца начал систематический поход против партии большевиков, после демонстрации 3—5 июля разгромив ее окончательно. При решении основных вопросов революции (мир, земля, учред. собрание) партия эсеров проявила поразительную трусость и нерешительность. Она не находила в себе достаточно мужества взяться за осуществление своей собственной программы. 2) **Партия меньшевиков.** Исполняла роль „политической гувернантки" при эсерах. Связана с ней всеми грехами и преступлениями. Никакой самостоятельной роли не играла в революции. К моменту октябрьского переворота от эсеров отличалась тем, что если эсеры имели за собой часть состоятельного крестьянства, то меньшевиков не поддерживал никто. 3) **„Трудовая народно-социалистическая партия"**. Об'единяла верхи деревни и городскую интеллигенцию. Во всех думах имела фракции, выражавшие настроение зажиточного крестьянства. Вне Думы не имела почти никакой организации. В эпоху коалиции некоторые ее руководители (Пешехонов, Зарудный) входили в состав Временного Правительства.

Анархисты. После революции группы анархистов поя-

вились во всех крупнейших центрах страны. Господствующими течениями были анархисты-коммунисты и анархо-синдикалисты. Основная форма деятельности: печатная и устная пропаганда и агитация. В ряде случаев анархисты прибегали к самовольным захватам помещений и типографий, за что Временное Правительство обрушилось на них градом репрессий. Связаться с массами и стать во главе их анархистам почти нигде не удалось. Против буржуазного правительства анархисты выступали фактически в качестве „левого", часто, впрочем, дезорганизаторского, крыла. Никакого самостоятельного значения их борьба не имела. Отдельные работники, вышедшие из рядов анархистов, оказали революции значительные услуги. Многие из них вступили в состав РКП.

* * *

Блок кадетов, эсеров и меньшевиков,—т.-е. блок буржуазии, мелких собственников, мещанства, интеллигенции и рабочей аристократии, правил Россией от февраля до октября 1917 года. Блок этот обанкротился, обессилел и ударом революционного кулака был сброшен со сцены.

В чем выразилось банкротство партии кадетов?—В том, что она, непримиримая ненавистница революции, была вынуждена в своей борьбе с революцией прятаться за спиной эсеров и меньшевиков, на них возлагать задачу ликвидации большевистской „анархии". Партия кадетов оказалась бессильной самостоятельно выступить против партии большевиков—главной партии революции—и нанести ей удар. Единственная кадетская попытка—корниловский мятеж—окончилась провалом, да и в этой кровавой авантюре были замешаны „социалисты" и „демократы" типа Керенского, Савинкова, Филоненко и других.

Банкротство эсеров и меньшевиков выразилось в том, что эти партии ничего решительно не смогли сделать для проведения в жизнь собственной программы в вопросах о земле, мире и учредилке. Земля оставалась в руках помещика, война продолжалась „до победного конца", и созыв учредилки откладывался из месяца в месяц. Вот это неумение провести в жизнь собственную программу, т.-е. передать землю крестьянам, заключить мир „без аннексий и контрибуций", созвать учредилку—„хозяина земли русской", это

топтание на одном месте, соглашательство, торги и переторжки с буржуазией, болтовня и пустословие и выбили почву из под партий эсеров и меньшевиков.

В октябре партия большевиков, получившая подавляющее большинство в Советах, пришла к власти. Но борьба против нас продолжалась. Кадетско-эсеро-меньшевистский блок вел непрерывные и разнообразные аттаки против новой пролетарской власти. Восстания, саботаж, заговоры, стачки, взрывы, убийства и покушения, бесчисленные фронты—вот те средства, которые применялись против Советской власти и которые должны были уничтожить ее.

Советская власть устояла, победила, укрепилась. Она сильна, как никогда. А что сталось с ее врагами?

После Октября.

Монархисты-черносотенцы. В России после Октября черносотенцы серьезной организации не имеют. Центр их политической деятельности — Германия, Юго-Славия, Болгария. Делятся они на монархистов-абсолютистов, конституционалистов и парламентаристов. Вожди: Марков, Ефимовский, еп. Евлогий, Масленников, Суворин и др. Органы: „Новое Время“ (Белград), „Грядущая Россия“ и „Двуглавый Орел“ (Берлин). Монархисты-черносотенцы тесно связаны с Врангелем и большие надежды возлагают на остатки его армии.

Партия кадетов. В России пользуется значительным влиянием среди „высшей“ интеллигенции, главным образом, профессуры. Организации серьезной нет. Центр политической деятельности — эмиграция. Летом 1921 г. партия раскололась. Вождь партии Милюков явился автором „новой тактики“. Она сводится к изменению ориентации от помещика к крестьянину. До сих пор партия кадетов была партией *буржуазно-помещичьей*, теперь Милюков хочет превратить ее в партию *буржуазно-крестьянскую*.

Большинство партии осталось при „старой тактике“, т. е. сохранило помещичью ориентацию. Под руководством вождей кадетского большинства (Гессен, Родичев, Петрункевич, Карташев) образован „Национальный Союз“, который об'единяет правых кадетов с деятелями дворянства. „Национальный Союз“ связан с Врангелем. Органом правых кадетов является ежедневная газета „Руль“, издаваемая в Берлине на средства немецкой монархической фирмы Ульштейна. Органом „Нац. Союза“ являлось „Общее Дело“, издавшееся в Париже Бурцевым, при материальной поддержке французских правящих кругов, но летом 1922 г. прекратившее свое существование.

Левые кадеты вышли из состава Центр. Комитета партии и образовали самостоятельную „Демократическую группу Партии Народной Свободы“. Руководители группы:

Милюков, Винавер, Коновалов и др. Группа земельный вопрос считает решенным революцией, восстановление дворянского землевладения признает невозможным. Левые кадеты в борьбе с большевизмом думают опереться на крестьянство. Для того, чтобы найти дорогу к крестьянству, они ведут политику сближения с эсерами. В январе 1921 г. в Париже на совещании членов Учредительного Собрания фактически был заключен союз между эсерами и левыми кадетами. Совещание избрало Исполнительную Комиссию в составе эсеров и кадетов. Эта комиссия все время выступает по всем важнейшим вопросам, затрагивающим интересы России, и неизменно против Советской власти. „Демократическая группа Партии Нар. Свободы“ в Париже издает ежедневную газету „Последние Новости“, редактором которой является Милюков. До конца февраля 1922 г. в Берлине левые кадеты издавали газету „Голос России“, которую они передали потом эсерам.

Из рядов кадетской партии вышли сторонники „третьей тактики“, т.-е. тактики признания и примирения с Советской властью. Они об'единились вокруг сборника (а затем журнала) „Смена Вех“. „Сменовеховцы“ (Ключников, Устрялов, Бобрищев-Пушкин и др.) считают, что старая буржуазия потерпела окончательное поражение в гражданской войне, что нужно признать этот факт и итти на службу Советской власти. В настоящее время сменовеховцы издают в Берлине ежедневную газету „Накануне“.

Партия эсеров. В первые месяцы после Октябрьского переворота партия эсеров существовала в России легально, несмотря на то, что она вела бешеную борьбу против Советской власти. Но в начале июня 1918 г. эсеры открыли антисоветский чехо-словацкий фронт, стали во главе ряда восстаний и заговоров, организовали ряд покушений на вождей Советской власти. В интересах самозащиты, Советская власть ответила репрессиями. Осенью 1918 года чехо-славацкий „учредиловский“ фронт был сломлен. В Сибири Колчак произвел реакционный переворот. Эсеры очутились между „красной и белой диктатурой“. Тогда они заявили о прекращении гражданской войны против Советской власти. В ответ на это Советская власть легализовала партию эсеров. Но легальность эту партия использовала для самой непримиримой борьбы с Советами. В момент, когда Колчак и Деникин вели настойчивое наступ-

ление и готовились на Волге подать руки друг-другу, партия эсеров требовала от Советской власти „капитуляции“ перед „демократией“... В 1920 году партия эсеров держит курс на прямое восстание против Советской власти, организует ряд местных восстаний, пытается превратить кронштадтский мятеж во всероссийское восстание. В августе 1921 г. X-й Совет партии решительно выдвигает лозунг о „низвержении диктатуры коммунистической партии“.

Естественно, что Советская власть партии эсеров — партии новой гражданской войны—не дает свободы деятельности. Свою анти-революционную работу в России эта партия ведет нелегально. Подпольные организаци у нее имеются, но связей и влияния на массы —никаких. Замена хлебной разверстки налогом и заботы Советской власти о сельском хозяйстве произвели в крестьянстве резкий перелом в пользу Советской власти и значительно ослабили почву для эсеровской агитации в деревне. В городах влияние эсеров распространяется на мещанские слои и на мелко-буржуазную часть учащейся молодежи.

В Берлине эсеры издают ежедневную газету „Голос России“, в Праге—еженедельник „Воля России“. Центральным органом партии является „Революционная Россия“, ежемесячный журнал, выходящий в Эстонии. Там же они издают двухнедельный популярный журнал „За народ“. В Париже издается ежемесячный журнал „Современные записки“. В России приблизительно раз в месяц нелегально выходит „Листок Дела Народа“.

В партии эсеров никогда не было идейного единства, отсутствует оно и в настоящее время. Партия разбита на несколько группировок. Наиболее резко выделяется правая часть (Авксентьев, Бунаков, Минор, Вишняк, Брешковская и др.). „Современные записки“ являются органом правого крыла. В центре стоят Чернов, Рубанович, Сухомлин, Зензинов, Русанов и др. Далее идут правый центр, левый центр... Правое крыло партии связано с левыми кадетами, а через него с кадетами по существу связана вся партия. В январе 1921 г. в Парижском совещании членов учредительного собрания со стороны эсеров принимали участие Чернов, Керенский, Брешковская, Зензинов, Авксентьев, Бунаков, Руднев, Минор и др. В Исполнительную Комиссию совещания от эсеров вошли Керенский, Авксентьев, Зензинов и Минор, от кадетов—Милюков, Винавер, Коно-

валов. В марте 1920 г. партия эсеров вышла из II-го Интернационала. Впоследствии ЦК постановил войти в Венский Интернационал. Но решение это до сих пор не проведено в жизнь и эсеры остаются вне Интернационала.

Процесс партии эсеров, продолжавшийся около двух месяцев, вскрыл чудовищную подлость, гнусность, преступность этой партии, разоблачил ее до конца, нанес удар, от которого ей не оправиться никогда.

„Меньшинство партии эсеров“. В 1919 г. часть эсеров, стоявших во главе волжско-уральской учредиловской авантюры (Вольский, Ракитников, Святицкий, Буревой и др.), выделилась из партии эсеров в самостоятельное „Меньшинство П. С. Р.“ Оно стало на точку зрения действительного прекращения войны против Советской власти. Партия эта была и остается партией политически пришибленных людей. Большевики их побили, Колчак их побил. Спастись от высиженного ими Колчака они могли только в Советской России. Их задача была—создать кулацкую партию Советской ориентации („трудовластие“), „преодолеть“ большевистскую диктатуру.

Но группа, начавшая свою историю капитуляцией, битая справа и слева, работающая „под надзором“ пролетарской диктатуры, не могла и не смогла создать активной политической партии. Постоянно теряя группами и одиночками своих членов, „Меньшинство П. С. Р.“ в данную минуту представляет собой серую группу серых людей. На процессе эсеров такие видные деятели партии, как Буревой и Святицкий, давая свидетельские показания, об'явили себя беспартийными.

„Меньшинство П. С. Р.“ сохранило программу старой партии эсеров. Оно существует легально и издает журнал „Народ“. Никакого влияния на массы не имеет, на выборах в Советы ей почти совершенно не удается провести своих кандидатов.

Партия левых эсеров. Партия левых эсеров откололась от партии эсеров накануне Октябрьского переворота. Активного участия в перевороте она не принимала и в первые дни революции соблюдала благожелательный к большевикам нейтралитет. Вскоре партия вошла в правительство, но во время заключения Брестского мира вышла оттуда. После своего восстания (июль 1918 г.) партия стала распадаться. От нее ушли „народники-коммунисты“

и спустя некоторое время вошли в состав Р. К. П. Далее выделились из партии „революционные коммунисты“ и в 1920 году также влились в РКП. В том же 1920 году партия раскололась на непримиримое, активистское „меньшинство“ (Спиридонова, Камков) и на „соглашательское“ „большинство“ (Штейнберг, Чижиков) „Меньшинство“ постепенно, и программно и тактически, дошло до самого бесшабашного анархизма. В настоящее время эта группа не проявляет почти никакой политической активности. „Большинство“ существует легально, издает журнал „Знамя“. Влияние на массы ничтожно. Во время выборов в Московский Совет весной 1922 г. левые эсеры провели трех депутатов.

Партия меньшевиков. С начала мировой войны партия меньшевиков разделилась на „оборонцев“ и „интернационалистов“. Между этими двумя крайними течениями стоял центр, который примирял и связывал их.

Октябрьская революция отбросила „интернационалистов“ далеко вправо. Против большевизма вся партия об'единилась и начала бешеную травлю. Везде, где только побеждала белая гвардия, меньшевики активно становились на ее сторону. В Советской России правые меньшевики стали на точку зрения активной борьбы с большевизмом, вплоть до признания интервенции. Левые меньшевики ограничивались тем, что прикрывали собою правых и вели непримиримую политическую борьбу против Советской власти.

В 1918 и 1919 г.г. меньшевики имели легальную прессу. Но свободу печати для них пришлось ограничить в виду того, что она целиком была направлена против молодой неокрепшей власти Совстов. С начала 1921 года заграничная делегация партии издает двухнедельный журнал „Социалистический Вестник“.

В России функционируют Центральный и Всеукраинский Комитеты партии, в важнейших центрах имеются местные комитеты. Но организации крайне слабы, связи с массами нет, влияние ничтожно. В некоторых городах лишь известная часть печатников идет за ними. На выборах в Московский Совет меньшевики провели трех депутатов, из них двоих от печатников. Они потеряли ряд крупных предприятий, на которых до сих пор пользовались безраздельным влиянием. Своей основной очередной

задачей партия меньшевиков считает усиление своего влияния на массы. В этом смысле ЦК партии дал местным организациям ряд указаний. Руководители партии (Мартов, Дан, Абрамович) находятся в Берлине. Следует отметить, что за время революции партия меньшевиков потеряла огромное количество членов партии—начиная от рядовых и кончая членами ЦК (Горев, Суханов, Трояновский, Хинчук, Яхонтов, Скобелев).

В марте 1920 г. меньшевики вышли из II-го Интернационала и впоследствии вступили в Венский Интернационал. Сторонники II Интернационала составляют в партии весьма сильную фракцию. Вообще „течениями", „группами", „оттенками" партия меньшевиков весьма богата.

Максималисты. В 1906 г. из партии эсеров выделилось ее небольшое левое крыло и образовало союз эсеров-максималистов. Деятельность союза, главным образом, выражалась в терроре против царских чиновников и экспроприациях. За время реакции союз совершенно распался.

После февральской революции эсеры-максималисты возобновили деятельность, однако, заметным влиянием на массы они никогда не пользовались. К Советской власти большинство максималистов отнеслось резко отрицательно. На этой почве в союзе произошел раскол. Меньшинство, возглавляемое Светловым и Бердниковым, образовало новый союз, который в 1920 году вошел в состав РКП. Большинство продолжало упорную борьбу с властью Советов.

В настоящее время союз эсеров-максималистов существует легально, издает в Москве ежемесячный журнал „Максималист". Союз, повидимому, отказался от антисоветского активизма. Влияние на массы—ничтожно... В Московский Совет входит один депутат максималист.

Анархисты. Влияние анархистов в русской революции было ничтожно. Из всех ее бесчисленных фракций только группа „Набатовцев", в большинстве анархо-синдикалистов, сумела связаться с крестьянским, по существу махновским, движением, которое скоро выродилось в обыкновенный бандитизм. В связи с переломом, наступившим в крестьянстве, анархо-махновщина сошла со сцены.

Октябрьская революция вызвала деление анархистов на „советских" и на „последовательных", непримиримых к Советской власти анархистов. Из советских анархистов

многие ушли в РКП, часть осталась на благожелательной нейтральной позиции.

„Последовательные“ анархисты делятся, вернее, делились до последнего времени,—на целый ряд фракций. В настоящее время некоторые признаки жизни подает чисто литературная федерация анархистов-коммунистов, возглавляемая Карелиным. Федерация издает журнальчик „Почин“. Возникшая в конце 1920 г. федерация анархо-универсалистов совершенно разложилась, из нее выделилась странная группа био-космистов, которая занята вопросом об омоложении и установлении сношений между планетами. Существует еще маленькая группка универсалистов-интериндивидуалистов, возглавляемая Гординым. Деятельность группы исчерпывается изданием журнала, отличительной чертой которого является полное отсутствие связи с жизнью.

Различные подпольные анархические группы, в эпоху кронштадтского восстания проявлявшие свою деятельность, в настоящее время почти совершенно исчезли.

Таков, в двух словах, путь, пройденный основными политическими партиями. Какова платформа главнейших, действующих в России, политических течений? Что говорят наши главные враги на пятом году революции?

Платформа меньшевизма.

В августе 1921 года Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей партии меньшевиков принял тезисы о политическом положении и задачах социал-демократии. Тезисы эти—основной руководящий документ этой партии. Что же они говорят?

Характеризуя текущий момент, констатируя „хозяйственную катастрофу" в стране, ЦК меньшевиков заявляет, что „господство большевистской системы" обанкротилось, что эта система „и в экономической и политической области" оказалась „неспособной разрешить основные противоречия русской революции, обостряемые ее переходным от капитализма к социализму характером".

Прежде всего тут необходимо констатировать один „с божьей помощью" поворот: он заключается в признании нашего периода „переходным от капитализма к социализму". Для партии меньшевиков это ново. У нас, как известно всему миру со слов высокомудрых меньшевиков, всего лишь буржуазно-демократическая революция. В „Социалист. Вестнике", органе заграничной делегации партии меньшевиков, Мартов в статье, где он подводит „ликвидационные" итоги пролетарской диктатуры в России, повторяет решительно, что наша революция—„буржуазно-демократическая". И Мартов поясняет, что это значит. Он пишет буквально следующее:

—„*Буржуазная—потому, что она сохраняет буржуазные основы народного хозяйства. Демократическая—потому, что она демократизирует собственность* (по крайней мере, земельную) и создает основу для демократизации государственного строя".

Мартов уверяет, что сама диктатура большевиков (как, впрочем, и диктатура якобинцев) возникла только потому, что как якобинцы во Франции, так и коммунисты в России задались утопической целью вывести революцию за „исто-

рические пределы буржуазно-демократической революции". Не будь этой „утопии", не вообрази большевики, что можно перешагнуть и за „исторические пределы", не вздумай они провозгласить „переходный период от капитализма к социализму"—все было бы хорошо: никакой тебе диктатуры, никаких че-ка, конфискаций и реквизиций.

Эта точка зрения подробно развита Мартовым в двух больших статьях в 18 и 19 №№ „Социалист. Вестника" за 1921 г. А в 21-м номере „Соц. Вестника" ЦК партии меньшевиков печатает свои тезисы с „переходным периодом". Что это значит? Кому верить? Кто „настоящий" представитель меньшевизма: Мартов—Абрамович с „Соц. Вестником" или ЦК со своими тезисами?...

Перед нами—новый образец идейного разброда в рядах партии меньшевиков. Одни решили, что нужно сделать новое „равнение налево", чтобы можно было конкурировать с коммунистами. Другие цепко держатся за старую мудрость об „исторических пределах буржуазно-демократической революции", при чем несут сущий вздор об „утопичности" позиции якобинцев. Третьи и эти „пределы" считают слишком широкими и говорят просто о хорошей, старой буржуазной революции, без всякой даже „демократизации" собственности.

Но по сути дела разговоры о „переходном периоде"— одна словесность. *Физиономия партии меньшевиков определяется ее отношением к пролетарской диктатуре и к руководящей партии коммунистов.* Чего стоят голые признания о „переходном периоде", когда на ряду с этим признанием преподносится обычная заплесневелая меньшевистская мудрость? Какую цену имеют гордые, хотя и запоздавшие на четыре года, заявления о том, что *„русская революция может быть победоносной только как переходная к социализму, выходящая за рамки капитализма и буржуазной демократии"?* Какую цену, спрашиваем мы, имеют эти заявления, когда, с одной стороны, вожди партии меньшевиков преподносят совсем другую теорию, а с другой—когда вся практическая политика этой партии основана на признании буржуазности нашей революции, на необходимости держаться „исторических пределов", быть подальше от социалистических „утопий".

Посмотрите, насколько выдержана платформа г.г. меньшевиков, насколько свели они новые концы со старыми

концами. Начинают они с категорического заявления о том, что мы обанкротились не только в экономической, но и в политической областях. В чем выразилось наше банкротство? В том, что после семи лет войны хозяйство наше оказалось в ужасном состоянии. Но в каком положении находилось русское хозяйство после трех лет войны, в 1917 году, при эсерах и меньшевиках? Помнят-ли г.г. меньшевики о резолюциях 1-го эсеро-меньшевистского с'езда советов? Помнят-ли они, что их с'езд пять лет тому назад экономическое положение страны признал катастрофическим, и что это катастрофическое положение было в дальнейшем усилено хозяйничаньем тех же меньшевиков и эсеров? А мы после этого воевали еще четыре года с 18-ю правительствами мира и выдержали, экономика наша не лопнула,—победу мы одержали. Это было чудо, возможное только при небывалом революционном горении страны. Правительство эсеров и меньшевиков погибло бы на втором месяце, если бы на его долю выпала хотя бы десятая часть тех испытаний, сквозь которые прошло победоносно правительство Советов.

А теперь жалкие меньшевистские пискари бормочут что-то о нашем банкротстве на том только основании, что после семилетней войны у нас не оказалось „тишь да глади, да божьей благодати"...

Но мы, оказывается, являемся „банкротами" и в политической области, ибо, видите-ли, не смогли разрешить „основных противоречий русской революции". О каких противоречиях идет речь? Какое именно противоречие мы не разрешили?

„Противоречий" было много. Корнилов, Керенский, Каледин, Краснов, Колчак, Деникин, Юденич, Врангель, Махно, Антонов, Петриченко,—все они „противоречили" нашей революции „переходного периода". Буржуазная Англия, Франция, Америка, Германия, Италия, Япония, Польша,—эти капиталистические государства, опираясь на помещичьи, буржуазные, мелко-буржуазные антисоветские силы, опираясь на монархистов, кадетов, эсеров, меньшевиков—сильнейшим образом—„противоречили" нашей пролетарской революции. „Противоречие" заключалось в том, что слабая экономически Россия должна была поднять знамя „переходной" революции. „Противоречие" заключалось в том, что пролетарская Европа не пришла полностью

и во время на помощь революционной России. „Противоречие“ заключается в том, что измученное, истощенное пролетарское меньшинство находится в плотном мелкобуржуазном окружении.

Но каждый грамотный человек знает, что одни из этих противоречий разрешены основательно, другие разрешены временно. Помещичий класс сравнен с землей. Крупная буржуазия раздавлена. С крестьянством возобновлен и упрочен союз...

С капиталистическим Западом установлено „временное равновесие“. Как долго оно будет продолжаться—никто не знает. Но здесь „противоречия“ явно решаются в нашу пользу. Мировая буржуазия вынуждена поставить практически вопрос о признании мятежной России, о соглашении с той страной, которая даже по мнению ЦК меньшевиков находится в переходном от капитализма к социализму периоде...

Какие еще „противоречия“ нам надлежало разрешить? Неужели меньшевики стали так неумеренны, что им мало тех побед которые мы одержали на бесчисленных военно-политических фронтах? Неужели у них хватает... глупости требовать от нас, чтобы мы разрешили за четыре года все те противоречия, которые были подпакоплены для нас заботливой рукой истории?...

— „Большевизм оказался неспособным возродить народное хозяйство вообще и, в частности, сочетать социалистическое строительство с замедленным темпом международной революции и об'ективными условиями страны“.

Как вам нравится это „вообще“ и „в частности“? Мы, ведя беспрерывную войну, не возродили „народное хозяйство вообще“. А где г-да меньшевики видели государство, которое возродило хозяйство, ведя изнурительную, истощающую, все поглощающую войну? Воевали богатейшие в мире державы: Германия, Англия, Франция. Америка, Италия. Что же, эти государства во время войны возродили „народное хозяйство вообще“? Нет, не возродили. Даже меньшевики вынуждены признать в своих тезисах, что „в результате войны выявилось банкротство мирового капитализма“. Спрашивается: если экономически мощные державы после войны находятся в состоянии экономического кризиса, то как это молодое Советское государство в наиболее бедной стране могло возродить „народное хо-

зяйство вообще"? Для того, чтобы посылать подобные упреки Советскому правительству, нужно обладать невежеством какого-нибудь эсера-максималиста или бесцеремонностью анархического болтуна.

Не возродив „хозяйство вообще", мы, „в частности" (ах, эта „частность", она сделает честь любому левому эсеру!), оказались неспособными „сочетать социалистическое строительство с замедленным темпом международной революции".

Во первых, по меньшевистскому совету, нам вообще не полагалось заниматься „социалистическим строительством". Такого „задания" мы от партии меньшевиков никогда не получали. Нас они всегда звали „назад к капитализму". По какому праву требуют теперь эти господа от нас отчета о нашем социалистическом строительстве? Им то какое дело до этого?

По существу вопрос о „сочетании" „с замедленным темпом международной революции" связан с другим вопросом: а когда была установлена точно эта „замедленность"? Для меньшевиков долгое время вообще не существовало вопроса о мировой революции: они считали ее „большевистской фантазией". После австро-германской революции они должны были признать, что революционные перспективы в Европе имеются. Даже больше: в 1919 году меньшевики заговорили уже о мировом большевизме. В издававшейся в Харькове, под защитой деникинской свободы, меньшевистской „Мысли", весной 1919 г. Мартов писал: „Мировой большевизм стал, очевидно, для всех реальнейшим фактором революционного процесса повсюду". Он об'яснял это „громадным влиянием солдатчины", общими явлениями послевоенного разложения. Но факт оставался фактом. 1919 год и первая половина 1920 г. были в общем и целом периодом стихийного роста европейского пролетарского движения. „Замедленность" обозначилась после нашего поражения под Варшавой. Под знаком „замедленности" шла осень 1920 г. и весь почти 1921 год.

Советская власть *учла* это обстоятельство. Практическим проявлением этого учета, первой попыткой „сочетать социалистическое строительство с замедленным темпом международной революции и об'ективными условиями страны", является декрет Совета Народных Комиссаров от 23 ноября 1920 года о... концессиях. А затем—весь нэп является попыткой такого сочетания. Известны все

эти факты меньшевикам? Известны. Так по какому же случаю поднимают они шум?

Но послушаем снова речь меньшевиков о „банкротстве" партии большевиков. Вообще, как мы уже видели, банкроты все: и большевизм, и капитализм,—одни меньшевики сохранили гордую позу победителей... Слушайте:

„Политическое банкротство большевизма в настоящий момент особенно ярко выражается в том, что, признав необходимость крутого поворота экономической политики..., коммунистическая партия в своем стремлении сохранить в неприкосновенности партийную диктатуру, оказалась неспособной создать те политические условия, при которых только она не ляжет всей своей тяжестью на плечи трудящихся и в особенности рабочего класса. Она оказалась неспособной удовлетворить насущные социальные требования народных масс".

В чем дело? Как следует понимать эту неуклюжую, путаную, резиновую тираду? Банкротство большевизма „особенно ярко выражается в том", что он, сделав мелкой буржуазии экономические уступки, не передал ей власть. Это его „неспособность", поэтому он—банкрот. Нужно было создать такие „политические условия", при которых новая экономическая политика не легла бы на плечи трудящихся. Сохранение пролетарской диктатуры затрудняет положение „в особенности рабочего класса"... Что нужно сделать? „Удовлетворить насущные требования народных масс" А как это сделать? *Предоставить буржуазии не только экономические, но и политические права.* Большевики этого „неспособны" сделать, и потому они "банкроты". Когда буржуа будут иметь права, трудящимся станет легче, они тяжести нэпа не почувствуют, „их социальные требования" будут удовлетворены.

Так рассуждает партия меньшевиков. Не думайте, что мы „плохо перевели" с меньшевистского языка на русский. Напустив немного туману, дальше они сами выражаются довольно ясно:

— „Сохранение существующего режима партийной диктатуры и политического бесправия приводит к тому, что новая экономическая политика... не может дать значительных результатов... *Отсутствие правовых гарантий и гражданских свобод* препятствует притоку в промышленность *частного капитала,* иностранного и русского".

А Мартов в „Соц. Вестнике“ (№ 19) выражается еще лучше:

—„Диктатура в большевистском смысле, сопряженная с бесправием *„буржуев“* (курсив Мартова, П. В.) с их отстранением от власти методами террора, а не методом борьбы за влияние на массы, одинаково гибельны для развития производства и в социалистическом, и в капиталистическом направлении... „Необходимо *предоставить имущим классам достаточный простор для мирной борьбы за влияние на ход дел в государстве и за влияние на народные массы“*.

Вопрос ясен: Россия несчастна оттого, что буржуй еще бесправен. Долой буржуазное бесправие, да здравствуют „социальные требования народных масс“!

Все эти разговоры о „гражданских свободах“ для „частного капитала“ есть сплошное лакейство именно перед господином капиталом, к тому же лакейство непрошенное. Меньшевики *подсказывают* иностранному капиталу требования, без которых он прекрасно может устроиться. Капитал в свое время развивался при чудовищно бесправных условиях,—он сможет функционировать и при Советской диктатуре. Иностранный капитал вопроса о „свободах“ серьезно не поднимет. Ему нужно гарантировать не свободу болтовни для г.г. Мартовых и Черновых, ему нужно гарантировать целость его имущества и неприкосновенность прибыли. Что это именно так, понял и „Соц. Вестник“, который в № 20-м в передовой статье писал:

—„Ни одна держава, не исключая и „великой американской демократии“, не поставит всерьез вопроса о политической свободе и политических правах для русских граждан...“

А в следующем, 21-м № „Соц. Вестника“ появляются тезисы Ц. К., в которых уверяют весь мир, что без „гражданских свобод“ капитал к нам не придет и все дело „народа“ погибнет. Ну, что можно сказать при виде этого гнусного двурушничества?

Однако, г. Мартов подходит к вопросу с другой стороны. Он находит, что „бесправие“ буржуя вообще „гибельно“ для страны. Поэтому, для всеобщего благополучия необходимо, чтобы Деруновы, Колупаевы, Разуваевы и все вообще „Лимоны Миллиардовичи“ были „облечены всеми правами“, дабы они могли влиять на ход дел в государ-

стве". Силы экономической, силы капитала для них мало, им, бедненьким, нужно еще дать силу политическую,— иначе, ведь, их могут обидеть...

Мы не знаем, доходят до Сухаревки номера „Соц. Вестника" или нет. Нам неизвестно, какая часть печатаемых в этом органе московских писем исходит от „новых купцов". Но одно несомненно: духовное взаимодействие между купецкой Москвой и редакцией меньшевистского журнала поразительное. Мартов высказал печатно сокровенные думы „советского буржуя". Мартов сформулировал лозунги „торгово-промышленного класса" России...

—„Простор для мирной борьбы". „Борьба за влияние на народные массы". „Долой диктатуру"! „Да здравствует свобода, равенство, братство!"

Если наш буржуа осмелится серьезно начать разговоры о „правах", то он целиком будет говорить на языке партии меньшевиков, напишет на своем знамени лозунги г. Мартова... И после этого у Центр. Комитета этой замечательной партии хватает бесстыдства говорить о „переходе к социализму"! Да вы, господа, думаете не о социализме, а о том, как бы покрепче посадить в седло капитализм...

Большевики не дают буржуа прав, они сохраняют „существующий режим". Этим отпугивают иностранный капитал, мешают развернуться, как следует, отечественному буржуа. По всего этого мало. Они своим упрямством „подготовляют почву для торжества контр-революционных и антисоциалистических сил". Милюков об'единился с Авксентьевым. Они связываются с крестьянством. Для того, чтобы поднять крестьянство против Советской власти, „ими выдвигается лозунг *Учред. Собрания, которое при настоящих условиях является прикрытием для буржуазной контр-революции*".

Очень хорошо. Совершенно правильно: учредилка— ширма буржуазной контр-революции. Ну, а вы, что предлагаете, г-да меньшевики? В тезисах читаем:

—„Добиваться от власти изменения ее общей политики, демократизация Советского строя, установление гражданских и политических свобод, отказ от партийной диктатуры и от режима террора".

Под каждым из этих требований обеими руками подпишутся и Милюков, и Авксентьев, и Чернов, и Набоков. Ибо их осуществление означало бы конец Советской власти.

„Демократизация Советского строя“,—это псевдоним учредилки, следовательно, в конечном счете, псевдоним буржуазной контр-революции. В этом не может быть никакого сомнения. „Тайну“ сию с исчерпывающей полнотой и с похвальной откровенностью раскрыл недавно г. Мартов в № 17 „Соц. Вестника“.

Против эсеров и меньшевиков в кадетской печати поднял большой шум бывший меньшевик Ст. Иванович. Этот господин, „украшающий“ кадетские ряды и одновременно ставший во главе соц.-демократического журнала „Заря“, начал „изобличать“ эсеров и меньшевиков, что они будто бы не защищали „буржуев“ от большевистской диктатуры. Меньшевики в „Соц. Вестнике“, эсеры в „Воле России“ стали поистине с лакейской угодливостью оправдываться перед г. Ивановичем и доказывать, что эсеры и меньшевики всегда, при всяких условиях защищали буржуев от „большевистских насильников“.

В ответ на это г. Иванович розыскал прокламацию меньшевистского Петербургского Комитета, выпущенную в кронштадтские дни, и нашел в ней новый, изобличающий коварных эсеро-меньшевиков, материал. В прокламации говорилось, что меньшевики требуют свободы печати, союзов и собраний „для всех трудящихся“. О буржуях—ни слова. Меньшевики пойманы, Ст. Иванович торжествует победу. Но последнее слово оставляет за собой г. Мартов. Он говорит:

—„Когда-то сам Ст. Иванович был меньшевиком-„ликвидатором“ и помнит, что группа, в которую он входил, выдвигала в тот или иной момент то или иное боевое „частичное“ требование, не для того, чтобы отказаться от более общего принципиального требования (как ее в этом тогда недобросовестно обвиняли большевики), а для того, чтобы *пробить брешь в наименее хорошо защищенном месте вражеской системы.* (Курсив Мартова, И. В.). *Такую же практическую цель преследует наша партия* (курсив мой, И. В.), когда в момент того или иного выступления выдвигает требование *исполнения советской конституции* (курсив Мартова). А это именно и сделал Петроградский Комитет, ибо советская конституция провозглашает свободу печати, союзов и собраний для всех трудящихся... Целью нашей борьбы является *творчество подлинно демократических практик*». (Курсив мой, И. В.).

Институт истории

Мартов разоблачает все лицемерие партии меньшевиков. Выдвигая требование „демократизации советского государства“, меньшевики хотят пробить брешь в наименее защищенном месте вражеской системы“. Об этом должны знать все трудящиеся. Меньшевики идут к нам с предательской целью прорыва нашей крепости. Они хотят открыть ворота злейшим врагам революции...

Учредилка—„прикрытие буржуазной контр-революции“. Лозунги меньшевизма—псевдоним учредилки. Платформа меньшевизма—это манифест о „вольностях“, „правах“ и „свободах“ для буржуазно-купецкой России. Делая экономические уступки буржуазии,—мы с утроенной энергией должны бороться против всех ее политических адвокатов и лакеев.

Планы партии эсеров.

Каковы планы партии эсеров? С какими документами выступают эти рыцари „демократической“ „третьей силы“? Ответ на эти вопросы дают нам постановления последнего, X-го С'езда П. С. Р. (август 1921 г.).

Партия коммунистов,—говорят эсеры—не откажется от „диктаторских методов управления“. Надежды на „постепенное перерождение диктаторской власти в форме демократической государственности“—утопичны. Отсюда вытекает „ближайшая задача“ партии:

— „Накапливание сил распыленной трудовой демократии, той „третьей силы“, которая одна только способна своим активным вмешательством вновь вывести революцию на торный путь“.

Но, конечно, только эсеровская „третья сила“, неспособная сорганизовать, как следует, свои собственные ряды, только она и поможет революции залечить раны, нанесенные народу семилетней войной. Партия эсеров—партия опытная: в 1917 году она была всероссийской властью, в 1918 году стояла во главе „третьей силы“ на Волге и Урале. В 1919 году она держала „нейтралитет“ между черной и красной диктатурой, что, впрочем, не мешало многим эсерам энергично помогать на юге Деникину, на севере Юденичу, на востоке Колчаку. В 1920 и 1921 годах партия эсеров стоит во главе ряда кулацких восстаний, создает антоновский фронт, участвует в кронштадтском мятеже... Партия эсеров, опираясь на свой блестящий продолжительный опыт, снова собирает свои силы, чтобы броситься в бой.

В резолюции совета П.С.Р. читаем:

„10-й совет партии, собравшийся в момент обнаружившегося со всей очевидностью полного идейного и политического банкротства большевистской власти... заявляет, что вопрос о революционном *низвержении* диктатуры ком-

мунистической партии со всей силой жизненной необходимости становится в порядок дня, становится вопросом всего существования российской трудовой демократии".

Итак, летом 1921 г. партия эсеров выбрасывает лозунг продолжения гражданской войны. Эти кровавые шуты не хотят сложить своего тупого, заржавленного оружия. Уроки революции для них прошли напрасно. Они не хотят примириться с фактом своего политического ничтожества.

Основной лозунг — „последовательная система народовластия", т.-е. „демократия" — учредилка. Между Мартовым и Черновым разница такая: Мартов хочет нащупать наиболее слабое место в нашей системе и пробить первую брешь, чтобы ее немедленно расширить до „всеобщих, прямых и равных" пределов. Чернов не признает никакой „бреши", он сразу, одним ударом хочет сокрушить советское здание.

Переходя к отдельным вопросам, 10-й совет П.С.Р. делает, например, такое „откровение":

— „Революция самым фактом своего пришествия ликвидировала частное помещичье землевладение, устранила с арены классовой борьбы в деревне целый земледельческий класс. Октябрьский переворот... внес в земельные отношения смуту".

Видите, земельный вопрос по сути дела был решен без большевиков. Они только повредили делу. „Листок дела народа" (№ 3, ноябрь 1921 г.) следующим образом плачется по этому же поводу:

— „Тяжелым могильным камнем обрушился роковой Октябрьский переворот на революционную трудовую деревню... Власть в стране захватила в свои руки партия, явно и непримиримо враждебная крестьянской массе".

— „Большевистская власть... сорвала подготовлявшийся силами революционной демократии и предрешенный самим фактом пришествия революции организованный, планомерный переход земельных угодий в пользование трудящихся и санкционировала беспорядочное, анархическое, захватническое расхищение земельного фонда"...

В приведенных цитатах нет ни слова правды. Вопрос о переходе земли к крестьянству нисколько, конечно, не был „предрешен" одним только фактом „пришествия" февральской революции. Вокруг вопроса о земле шла упорная борьба. Временное Правительство стало на сторону

помещиков и под видом соблюдения „законности“ начало сажать крестьян в тюрьмы—за „самочинные действия“.

У нас в данном случае имеется весьма ценное „свидетельское показание“ такого „надежного“ для эсеров человека, как Виктор Чернов. Как известно, Чернов летом 1917 года был министром земледелия, пытался кое-что сделать для разрешения земельного вопроса, но под энергичным давлением со стороны землевладельцев и промышленников должен был уйти с министерского поста. Весной 1918 г. в эсеровском сборнике „Мысль“ Чернов опубликовал статью, которую он не мог напечатать в 1917 году, вследствие несогласия большинства редакции, в центральном органе партии с.-р. „Дело Парода“. Статья Чернова посвящена вопросу о коалиции. В ней, между прочим, читаем:

. — „Промышленные круги настроены непримиримо. Среди них зрест психологическая зараза ультиматизма. Раздаются недвусмысленные угрозы локаутом... Еще хуже — в области земледелия. Та *отчаянная кампания*, которую мне пришлось вести *в защиту травимых справа земельных комитетов*,—этому живое свидетельство. *Земельные комитеты—единственный барьер, отделяющий помещичьи хозяйства и самих помещиков от погромной стихии*, зреющей в более темной и нищей части крестьянства... *Казалось бы, и помещики должны примириться* с неизбежностью и пойти на безболезненный переход сельского хозяйства с частновладельческих на крестьянско-трудовые рельсы. *Они этого не понимают. Они надеются как-нибудь сорвать земельную реформу. Союзы земельных собственников насаждают всюду помещичью непримиримость и собственнический „большевизм справа“.*

Это пишет вождь „крестьянской“ партии эсеров, бывший министр земледелия. Он, этот „селянский министр“, больше всего заботится о безопасности помещиков. Он ищет „безболезненного“ выхода, он стремится к соглашению между помещиками и крестьянами. Ничего не выходит. Помещики ведут дело к срыву всей земельной реформы. Слушайте дальше:

— „Мыслимо-ли было придумать что-нибудь более нелепое, чем судебное преследование земельных комитетов и аресты их членов? Мыслимо-ли было придумать более нелепое, как подготовление судебного похода министерства

юстиции против главного земельного комитета и министерства земледелия? А на наших глазах это происходит... Даром такие вещи не проходят".

Вот краткая и ясная „история земли" от Февральской до Октябрьской революции, написанная вождем той партии, которая сейчас находит в себе бесстыдство заявить в официальном документе, будто земля уже была в кармане у крестьян до всяких большевиков. Партия, которая прибегает в такого рода лжи,—сама выдает себе аттестат политического ничтожества...

Партия эсеров потеряла почти все: силу, влияние, авторитет, честь, совесть, но сохранила одно: стремление к власти. Не считаясь ни с чем, она „прет" к власти, она об'единяется с кем угодно, она служит кому угодно, лишь бы помогли ей продвинуться ближе к власти...

Всякая политическая партия должна добиваться власти, либо мирным, либо вооруженным путем. Но *не всегда,* не при всяких условиях должна стремиться к власти партия. Для того, чтобы править, нужно иметь силу, собственную силу, для того, чтобы с оружием в руках бороться за власть, политически нужно быть *сильнее* господствующей партии. Иначе нельзя победить, а если победа случайно достанется, нельзя будет удержать власть в своих руках.

В октябре 1917 г. мы были сильнее эсеро-меньшевистско-кадетского блока не только политически, но, как потом оказалось, даже в военном отношении,—поэтому одержали победу и сохранили власть в своих руках, поэтому октябрьское восстание не было авантюрой.

У эсеров нет собственной политической, а тем более военной силы. Поэтому каждый раз, когда эсеры устраивают восстание, они приводят к власти реакцию.

Эсеровская борьба за власть это—чудовищно-преступная авантюра. Эсеры не способны своими силами свергнуть власть Советов. Эсеры в случае удачи не способны удержать власть за собою. Эсеры работают на буржуазную контр-революцию.

В 1917 г. Виктор Чернов предупреждал своих друзей по партии: если за гриву не удержимся, то за хвост и подавно не удержаться. Со времени колчаковского переворота из рук партии эсеров и хвост был вырван, и с тех пор она пытается уцепиться за тень хвоста...

„Левый блок".

Три обломка народничества: левые эсеры, меньшинство партии эсеров (группа „Народ") и эсеры-максималисты образуют блок „левого революционного народничества".

Лозунги блока: отказ от диктатуры групп, лиц и партий. Восстановление трудовластия, через свободно избранные Советы. Легализация и политическое равноправие соц. партий, признающих Советскую власть. Отмена смертной казни. Ограждение неот'емлемых прав человеческой личности.

Как видите, в области политической „левый блок" целиком утопает в море „демократической" словесности. Правда, это демократия не учредиловская, но все же это формальная, абстрактная демократия.

„Отказ от диктатуры групп, лиц и партий", „трудовластие" через Советы. Но, ведь, все это—пустозвонство. Власть фактически может принадлежать только организации, которая имеет программу, тактику, план ближайшей деятельности. Советы—форма власти. Содержание вкладывает партия, знающая, что и как нужно делать. Фактически власть может принадлежать только партии—или никому. Не только „весь народ", но и класс править непосредственно не в состоянии. Класс, который не смог выделить способную к управлению государством партию, не в состоянии даже и думать о захвате власти...

За четыре года пролетарской революции граждане „левые", „революционные" народники не потрудились понять самые простые вещи.

В области народного хозяйства лево-блокисты „решительно отвергают принцип национализации". Вместо на-

ционализации они „считают необходимым перейти к социализации народного хозяйства". Социализация тем „хороша", что при этой системе фабрика, завод, мастерская фактически переходят... в собственное пользование рабочих и служащих данных предприятий. Это, конечно, означает растаскивание народного хозяйства по кусочкам и его полнейший распад.

По вопросу о новой экономической политике в левом блоке нет полного единства. Орган левых эсеров „Знамя" (№ 10) заявляет, что „новый курс в целом неприемлем, как враждебный социальной революции и социализму, как воплощающий в себе сдачу всех революционно-социалистических позиций". Новый курс,—уверяют левые эсеры,— „совершенно неприемлем для трудового крестьянства". Из этого видно, насколько далеки левые эсеры от правильного понимания того, что действительно приемлемо и неприемлемо для крестьянства.

Отвергая новый курс, орган левых эсеров ограничивается общими фразами о восстановлении подлинной власти Советов, о равноправии пролетариата и трудового крестьянства и т. д.

Эсеры группы „Парод" признают, что „новый курс... представляет собой серьезную попытку перекинуть крепкий мост через пропасть, легшую между городом и деревней", что в данном случае правящая партия идет „не на словесное, а на деловое и вполне реальное соглашение с трудовой деревней".

В области политической „народовцы" вслед за меньшевиками начинают „напоминать" нам о старой марксистской истине относительно „экономики" и „политики", „базиса" и „надстройки". Ну, на этот раз мы можем порекомендовать нашим противникам, чтобы они получше, поглубже изучили марксизм, дабы его механическое понимание не вводило их во искушение.

„Максималист"—орган союза с. р. максималистов— плачется по поводу того, что „в политике подул сильный минималистический ветер", который может разразиться „в капиталистическую бурю".

Вся мудрость „Максималиста" исчерпывается в следующей тираде:

— „Не концессии, не наемный труд, не кооперативный капитализм, не свободная торговля, а свободный труд работников, организованных в союзы плуга, молота и мысли“!

В передовой статье „Максималист“ предлагает созвать свободно избранный с'езд „класса производителей-рабочих и трудовых крестьян, вместе с трудовой интеллигенцией“. Если соберется этот с'езд—там уже можно будет найти „окончательный выход“...

Группы, входящие в „левый блок“, представляют собой различные слои крестьянства, городских ремесленников. Они хотят ликвидации пролетарской диктатуры, но на вооруженную борьбу не решаются, ибо понимают, что победить они смогут только в союзе с буржуазно-помещичьими слоями, а это союзники весьма опасные.

Так учит революция...

Борьба классов обычно происходит в форме борьбы политических партий. Каждый общественный класс, способный к борьбе—к наступлению, обороне—имеет свою основную политическую партию, свой организованный и дисциплинированный передовой отряд.

Сила и значение класса определяется силой и значением его партии. Усиление класса выражается в форме усиления партии. Господство класса происходит в форме господства партии. Так было, разумеется, и в русской революции. Возвышение буржуазного класса было возвышением буржуазной партии,—падение буржуазного господства выразилось в форме падения и разложения буржуазной партии.

Политическое господство крупной и мелкой буржуазии от февраля до октября выражалось в форме господства партий кадетов, эсеров, меньшевиков.

Политическое господство рабочего класса не могло осуществиться иначе, как в форме господства партии большевиков.

Все это с точки зрения марксизма азбучно. Но это нисколько не мешает „марксистской“ партии меньшевиков вопить по поводу „партийной диктатуры“ РКП, кричать на весь мир о том, что в России нет диктатуры пролетариата, а есть будто бы диктатура *над* пролетариатом. Эти крики, поскольку они не являются простым лицемерием, имеют под собою абсолютно неверное представление о роли партии, о взаимоотношениях между классом и партией.

Три десятка лет тому назад, когда не было еще и в помине „проклятого большевизма", один весьма авторитетный марксист по вопросу о взаимоотношениях между классом и его авангардом (партией) писал следующее:

„В классовой борьбе любого класса не участвуют все члены этого класса. Повсюду мы видим в авангарде только избранных, политические способности которых решают вопрос о зрелости всего класса. Масса во всяком классе отчасти следует за избранными без собственной инициативы, отчасти же держится совершенно вдали от борьбы. *Политическое господство пролетариата означает на практике прежде всего только господство его избранных как это мы видим в буржуазии, в юнкерстве, в любом господствующем классе".*

Здесь в немногих словах изложена практика будущих большевиков. Наша партия именно так ставила вопрос. Она все время подчеркивала, что авангард рабочего класса должен быть сплочен, об'единен в одну партию и своей сплоченностью, сознательностью, преданностью и самоотвержением увлекать за собой весь класс, всю трудящуюся массу.

Но кому принадлежит приведенная выше цитата? Кто это так ясно, „по большевистски" определил взаимоотношения между классом и партией? Это был... Карл Каутский, теперешний вождь мирового меньшевизма, борец за „демократию", враг диктатуры, защитник „права и справедливости" для... буржуазии, клеветник советской России. Тогда, в 90-х годах, Каутский был марксистом, революционером, воевал против оппортунистов, „соглашателей", сторонников союза с буржуазией. В своей книге против Бернштейна,—вождя немецких правых социал-демократов, Каутский выяснил вопрос о роли и значении „избранных", т. е. партии, для всякого класса.

Российская революция блестяще подтвердила определение, данное Каутским. *Власть русского рабочего класса держится потому, что этой властью руководит сильная, сплоченная политическая партия коммунистов, Советская Россия держится и будет держаться на РКП.*

С другой стороны, буржуазия политически была разбита в тот день, когда была побеждена ее партия. Если бы мы не обрушились на враждебные революции политические партии, если бы мы не лишили наших врагов свободы

слова, собраний, организации, — словом, если бы мы не осуществили жестокой пролетарской коммунистической диктатуры, мы были бы разбиты, раздавлены, уничтожены.

Разрушай вражеское гнездо! Бей противника беспрерывно! Не позволяй ему собраться с силами! Расстраивай его ряды постоянно! Отрывай от враждебного класса его „избранных"!

Так учит революционный марксизм, так повелевает опыт великой русской революции.